«PARCE QUE C´ÉTAIT LUI, PARCE QUE C´ÉTAIT MOI»[1]

(*13.IX.1964. Прага*)

О, брат!

Я не мечтаю. Я не мечтаю даже о бутылке. Она у меня была. Такая большая и такая выразительная. Она возвышалась так величественно. (…) Вот это — Коньяк (с большой буквы). Спасибо. На следующий день мне надо было ехать в Москву, и поэтому ты ничего от меня не получил. Но мое письмо не только о том, какой ты невезучий. В Москве я ходил повидать Эрнста[2], но там его поймать невозможно. Сейчас (ты только представь себе!) этот негодяй в Риге, где он под видом социалистического и революционного монументализма возводит фаллические символы. И очень советским, очень невинным детям придется жить среди половых органов, подъятых к небесам (он строит на берегу моря что-то вроде «Артека» — пионерского лагеря в Крыму, невежда!). Этот город[3] становится невыносимым. Теперь, когда я здесь, в этом тумане, воплотившемся в готические и призрачные камни[4] (ну прямо для тебя, моего кинорежиссера!), — нам просто необходимо обменяться письмами. И так как это новая форма для наших инцестуозных отношений, я тебя сразу предупреждаю: ты должен писать мне как можно чаще. Ты идеально приспособлен

---

[1] Слова, сказанные Мишелем Монтенем о его друге Этьене Ла Боэси: «Вообще говоря, то, что мы называем обычно друзьями и дружбой, это не более чем короткие и близкие знакомства, которые мы завязали случайно или из соображений удобства и благодаря которым наши души вступают в общение. В той же дружбе, о которой я здесь говорю, они смешиваются и сливаются в нечто до такой степени единое, что скреплявшие их когда-то швы стираются начисто и они сами больше не в состоянии отыскать их следы. Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: “Потому, что это был он, и потому, что это был я”» (Монтень М. Опыты. Книга I. XXVIII «О дружбе» [пер. А.С. Бобовича]).

Эти же слова в своем письме Елене Мамардашвили летом 2014 г. повторил Пьер Бельфруа. Он написал: «Мы были как два брата, и именно слово “брат” Мераб использовал во всех своих письмах. До самого конца он был моим единственным и настоящим другом, с которым я делил все. Я могу повторить фразу, сказанную Монтенем о Боэси: “Потому, что это был он, и потому, что это был я”» («*Nous étions comme deux frères, c’est d’ailleurs le mot “frère” que Merab employait dans chacune de ses lettres. Jusqu’au bout il a été mon seul et grand ami avec qui j’ai tout partagé. Je peux dire comme Montaigne parlant de la Boétie: “Parce que c’était lui, parce que c’était moi”*»).

[2] Эрнст Неизвестный — выдающийся советский скульптор и художник. Близкий друг Мераба Мамардашвили. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано особо*.

[3] Рига.

[4] Прага.

Эрнст Неизвестный и Пьер Бельфруа

для этого, ведь ты труженик пера или, скорее, ручки (что тоже символ), и у тебя эта болезнь семейная (вся семья никуда не годится! особенно Жак Бельфруа[5], который публикует книги и к тому же попался на крючок журнала «Экспресс»![6]). Мне тебя не хватает. И нет никакого способа прервать разлуку. Я ни во что не верю. Именно поэтому я никогда не хотел привязываться к кому бы то ни было. И всегда кончал привязанностью. Философской. Ты меня ждешь, а? Я уже просил Арлетт[7] взять меня с собой в чемодане. Но пока что я могу заполнить эти чемоданы только хрусталем, который ищу для вас. Вы сможете пить за мое здоровье. Оно не очень-то хрупкое, я тебя уверяю. Правда, я рискую нанести ему удар, пытаясь достать для вас подарок, обещанный на Рождество. Ну, будем надеяться.

Я отправил в издательский дом конечный вариант книги[8]. Я резал, я кроил, и я сократил ее до двухсот страниц, то есть до… чего?

---

[5] Французский писатель, интеллектуал, автор популярных детективных романов. Брат Пьера Бельфруа.

[6] «*L'Express*» (*фр.*) — французский новостной еженедельник.

[7] Подруга Пьера Бельфруа (далее П. Б.) и Мераба Мамардашвили (далее М. М.), работавшая секретарем-машинисткой в Праге. — *Большая часть сведений о людях, фигурирующих в письмах Мераба Мамардашвили, любезно предоставлена Пьером Бельфруа.*

[8] Вероятно, имеется в виду книга «Формы и содержание мышления».

А как твоя *Camebirole*? С кем у нее роман? Что с ней происходит?[9] У меня, например, роман с самим собой: я свожу себя с ума во всех смыслах. В одном-единственном смысле.

На этом я с тобой прощаюсь. Обними Мадлен[10] (она тут, со мной, — в качестве изображения!). Передай от меня привет детям.

Твой, ваш, Мераб.

Если тебе интересно, сейчас вечер пятницы. Наш Глу-глу[11] собирается стать большим начальником. И уходит от нас. Целую.

P.S. Не знаю почему, но у меня в голове вертятся строчки из песни: «*je vous invite à indécence*»[12] и т. д. Может быть, это оттого, что мне хочется в Париж. Одну непристойность я уже совершил, сочинив письмо на столь плохом французском. Непристойностью больше, непристойностью меньше — какая, в сущности, разница?

Обложка романа Пьера Бельфруа «Camebirole» с рисунками Эрнста Неизвестного (1978 г.)

[9] Речь идет о главной героине одноименного романа П. Б.

[10] Жена П. Б.

[11] *Glu-glu* (*фр.*) — можно перевести как «Липучка». Предположительно, прозвище одного из членов редакции журнала «Проблемы мира и социализма».

[12] «Я вас приглашаю на непристойность» (*фр.*) — слова из песни Брижит Бардо «*Invitango*».

(*1965. Прага*)

Здравствуй, брат!

Вернувшись из отпуска, я нашел у себя твои почтовые открытки. Веришь ли ты, что все дороги ведут в Рим? Я вот верю. Давай приезжай в Рим — ненадолго! С 24 июня по 28 июня в Институте Грамши будет семинар, на который я должен приехать в компании нескольких идиотов из редакции. Наш красавец Женя[1] тоже будет. Такой случай! Ты сможешь приехать? Рим нужно захватить! И сделать его хоть капельку цивилизованнее.

Как твои дела? Получил ли ты бокалы, которые я отправил с Домиником?[2] И где обещанные тобой книги? Ладно, слушай: я наконец-то договорился с Эрнстом насчет твоей чертовой *Camebirole*, теперь у него есть рукопись, и он сделает к ней иллюстрации. Эрнст решил связаться с официальными инстанциями и идти от человека к человеку. Он скажет мне, сколько рисунков будет сделано. Видишь, дело идет на лад. Планируй свои действия исходя из этого. Прошу, напиши мне хорошее письмо — такое, чтобы в нем было много подробностей [*détaillé*] (по-моему, запомнить все надстрочные знаки, которые есть во французском, просто невозможно). Но я стараюсь.

Отправляю тебе мои просьбы и поцелуи. Обними от меня Мадлен.

Твой Мераб.

Ты собираешься приехать в Прагу снимать конец света? Приезжай. Будь здоров, брат!

[1] Евгений Амбарцумов — политик и дипломат. В начале 60-х работал вместе с М. М. в журнале «Проблемы мира и социализма».

[2] Доминик Зэдлин (*Dominique Zaidline*) — юный студент, чьи родители жили в Праге и были хорошими знакомыми П. Б. и М. М.

Иллюстрация Эрнста Неизвестного к роману «Camebirole».
«Они всегда говорили: "Этот человек, этот человек"»

(*5.VII.1965. Прага*)

Здравствуй, брат!

Я только что вернулся и обнаружил, что в моем кармане лежит письмо, которое я забыл тебе послать, пока был в Риме. Что ж, отправляю его сейчас. В Риме было ужасно жарко, но даже эта изнуряющая жара не смогла уничтожить мою любовь к этому городу одной ротонды.

Твои дети часто ссорятся. Ждут от тебя телефонного звонка. Жана я еще не видел, а вот Пэт[1] красив, как итальянская картина. Когда ты приедешь?

Если собираешься отправлять мне книги, знай, что меня интересуют словари (словари арго и французского языка), а также альбомы по искусству. Если ты сможешь получить все это через издательский дом, то будет прекрасно. Как видишь, я предлагаю тебе только незаконные способы.

Твой Мераб.

«На дуэли» с Юрием Карякиным. Чехословакия, начало 60-х гг.

[1] Жан-Пьер и Патрик — сыновья П. Б.